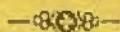
О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ и НАСЛѢДСТВѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

СОЧИНЕНІЕ

О. Турчиновича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ и НАСЛѢДСТВѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

СОЧИНЕНІЕ

О. Турчиновича.

.... Quibus nostra ignota sunt
(Cicero L. I. c. 2).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.
1853.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ 15 Января 1853 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Со времени появленія сочиненія Эверса: *Древнѣйшее право Руссовъ* (das aelteste Recht der Russen), въ образованномъ обществѣ и въ литтературѣ воцарилось мнѣніе, что Русскіе (восточные) Славяне жили въ родовомъ союзѣ, и что у нихъ существовало *общее* владѣніе родовъ землею. Самъ Эверсъ еще неясно и даже сбивчиво высказалъ свое мнѣніе, уже преувеличенное послѣдователями его.

Находя кровныя связи слишкомъ непрочными для поддержанія быта общественнаго, а общее владѣніе противорѣчащимъ общей человѣческой природѣ, нравамъ и образу жизни Славянъ въ-особенности; а priori всегда мы считали оба упомянутыя положенія преувеличенными, неправдоподобными, никогда несуществовавшими. Сознаемся, что съ подобнымъ предубѣжденіемъ и приступили мы къ изученію доказательствъ, на которыхъ утверждено существованіе общаго владѣнія. Доказательствъ нѣтъ; вмѣсто же ихъ вездѣ однѣ лишь предположенія, ипотезы, толкованія произвольныя фактовъ темныхъ. Впрочемъ, за неимѣніемъ данныхъ, вполнѣ-исторически ни доказывать, ни опровергать общаго владѣнія невозможно; однакожъ, нетрудно убѣдиться и въ томъ, что доказыва-

ютъ его *путемъ отрицательнымъ*—отсутствіемъ извѣстнаго рода данныхъ въ то время, какъ опровергать его можно уже путемъ *болѣе положительнымъ* — указаніемъ на факты историческіе, противорѣчащіе возможности общаго владѣнія, существованіе котораго уже сомнительно а priori.

Подобно каждому, кому только извѣстны заслуги ученаго Эверса, и мы вполнѣ уважаемъ авторитетъ знаменитаго изыскателя нашей исторіи; но, при всемъ томъ, находимъ весьма недостаточными доказательства, на которыхъ утверждены имъ положенія объ общемъ владѣніи.

Въ древнія времена Россія была заселена мирными и кроткими племенами, занимавшимися земледѣліемъ. Эти племена состояли изъ большихъ и малыхъ поселеній, которыя, въ противоположность разрозненной жизни первоначальныхъ Германцевъ, представляютъ нашихъ предковъ собранными вмѣстѣ, жившими группами. Вглядываясь въ каждое поселеніе, мы видимъ, что это размножившаяся семья, которой члены и потомки живутъ вмѣстѣ. Такъ все первобытное Славянское населеніе Россіи было огромное дерево, спокойно

выросшее изъ одного зерна: поселенія и племена его—вѣковыя вѣтви и отпрыски ([1]).

Внутри поселеній вначалѣ царствуетъ чисто-семейный бытъ, подъ управленіемъ отца, или старшаго члена семейства; его власть была семейная, родительская. Въ такомъ смыслѣ Несторъ описываетъ семейство трехъ братьевъ: Кія, Щека, Хорева и сестры ихъ Лыбеди, жившихъ вмѣстѣ въ Кіевѣ, ими же основанномъ и названномъ по имени ихъ старшаго брата ([2]).

Подобнымъ же образомъ жили и прочіе народы Славянскіе. То, что Несторъ говоритъ о братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоревѣ, Польскій лѣтописецъ Богуфалъ повѣствуетъ о Лешкѣ

(1) *Кавелинъ*: Юридическій бытъ древней Руси — статья, помѣщенная въ № 1 *Современника* за 1847 годъ.

(2) *Лѣтопись Нестора*. Изд. Ант. Луд. Шлёцеромъ. Геттингенъ 1802 г. ч. I. стр. 8, 99 и 100.

и его двѣнадцати сыновьяхъ, жившихъ въ примѣрномъ братскомъ согласіи и послѣ смерти отца своего ([3]). Въ Богеміи сохранилось подобнаго же рода преданіе о прародителѣ Чехѣ, а на югѣ—преданіе о поселеніи на берегахъ Дуная Уегнона съ дѣтьми и родственниками своими ([4]). Въ подобномъ же родѣ Мартинъ Галлусъ описываетъ древнюю Пруссію ([5]). Словомъ, вездѣ, куда бы мы ни обратились, въ первобытномъ славянскомъ мірѣ обнаруживается перевѣсъ семейнаго союза надъ отдѣльною личностью.

Древнія преданія превозносятъ похвалами Славянъ, жившихъ мирно въ семейномъ со-

---

(3) *Boguphali Chronicon Poloniae:* Lechitae, qui nullum regem inter se tam quam fratres et ab uno patre ortum habentes. *Sommersberg: Silesicarum rerum scriptores* t. II, p. 20. — *Vincentii Cadlubconis Chronicon Polonorum* p. 9.

(4) *Dlugossi historia Polonorum* p. 5—9; Cum filiis cognationibus et familiis suis.

(5) *Martini Galli Chronicon ed. Vin. Bandtkie.* Vars. 1824 p. 302; per sortes hereditarias ruriculis et habitationibus disparitae sunt.

гласіи. Причина, или основаніе подобнаго мирнаго быта скрывалась въ сознаніи общаго происхожденія ихъ отъ одного родоначальника. Отсюда не отличительная, какъ называютъ нѣкоторые, но естественная черта ихъ характера, названная Несторомъ славянскою добродѣтелью (6), была привязанность членовъ къ своему дому, къ своему семейству. Подобная добродѣтель восхваляется и у прочихъ народовъ Славянскихъ (7).

Но когда народонаселеніе размножилось, то и семьи и линіи въ каждомъ поселеніи, происшедшемъ, быть можетъ, отъ одного родоначальника, тоже размножились; въ поселеніяхъ появились многосемейные роды, а вмѣстѣ съ этимъ и бытъ Славянъ изъ семей-

---

(6) *Лѣтопись Нестора* ibidem ч. I. стр. 125.

(7) *Historya polonica Vincent. Cadlubconis* Dobromili. p. 84. Іоаннъ, архіепископъ Гнѣзнескій говоритъ: «beata, plusquam beata fraterna societas, apud quam plus pietatis valet religio, quam ambitus principandi».

наго преобразовался въ родовой, подъ управленіемъ старшаго родомъ и лѣтами. Родовой, или, правильнѣе, семейно-родовой бытъ есть первая ступень развитія гражданскаго общества — государства. Но въ родовомъ быту появилось и много старшихъ родомъ и лѣтами; а кто изъ нихъ старшій — невозможно было опредѣлить; стали избирать старѣйшинъ ([8]).

Съ перваго взгляда это измѣненіе кажется неважнымъ, но оно уже предполагало существенную перемѣну въ прежнемъ быту. Въ этомъ измѣненіи обнаружилось то, что поселенія внутри себя распались на частные, обыкновенные семейные союзы. Какъ прежде племена разъединялись, такъ разъединялись и семьи въ поселеніяхъ, хотя условія послѣдняго распаденія несовсѣмъ одинаковы были съ первымъ. Племена были разбросаны на большомъ про-

---

(8) Кавелинъ ibidem.

странствѣ — а такъ можно было забыть и не знать другъ друга; напротивъ того, семьи жили рядомъ и не могли забыть и не знатъ другъ друга. Связи и отношенія между ними необходимо поддерживались, хотя уже и не столь дружественныя, какъ нѣкогда, вначалѣ. Особенные интересы стали производить между ними частыя непріязненныя столкновенія, и лицо старѣйшины должно было вырости властью: оно получило сперва легкій оттѣнокъ, а потомъ и полный юридическій характеръ. Возраставшее значеніе старѣйшинъ было признакомъ постепеннаго распаденія рода на бо̀льшее число семействъ, изъ которыхъ каждая болѣе и болѣе начинаетъ погружаться въ свои собственные интересы, житъ внутри себя своею собственною жизнью. Итакъ, на развалинахъ разросшихся семействъ въ роды, или родоваго быта, образуются общины, или Славянское населеніе достигаетъ послѣдней степени развитія—семейнообщиннаго быта.

Съ теченіемъ времени особенность семей возрастала, каждая изъ нихъ продолжала болѣе и болѣе вживаться въ свои собственные интересы; наконецъ проявилось и сознаніе личности, еще болѣе развитое Христіанскою Религіею — ученіемъ ея о достоинствѣ человѣка (9). Къ подобному состоянію, или виду, Славянскаго общества должно, кажется, отнести слова Нестора: «Поляномъ же живущимъ особѣ, и володѣющимъ роды своими, и живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ (10).»

Итакъ родовой бытъ — дѣло природы, ею же и разрушенъ; въ основаніи его лежало и начало разрушенія. Кровныя связи слишкомъ непрочны для того, чтобъ поддержать бытъ общественный. Племена, заселявшія Россію, большею частью разрозненныя, иногда враж-

---

(9) Ibidem.

(10) Лѣтопись Нестора у Шлёцера стр. 8 и 99. Ч. I.

довавшія между собою, тоже произошли отъ одной семьи, но почти совсѣмъ забыли свое единство, отъ котораго осталось у нихъ одно лишь смутное воспоминаніе. То же предстояло и родовому быту поселеній: рано или поздно, онъ долженъ былъ поколебаться. Чѣмъ дальше расходились линіи, тѣмъ больше должно было забываться между ними единство кровное; если же оно и осталось, то въ памяти, безъ вліянія на бытъ общественный и отношенія имущественныя. Особенные интересы какъ семействъ, такъ и индивидуальныхъ лицъ, по естественному порядку вещей и свойству природы человѣка, появились среди мирнаго общества и мало-по-малу произвели раздоры. И нѣтъ сомнѣнія, что съ того времени, когда духъ самостоятельности проникъ въ недѣлимаго человѣка и явилась въ немъ потребность жить независимо отъ другихъ, то члены семейства стали отрываться отъ общаго союза и единство семейное необходимо должно было разрушиться.

Дѣйствительно, долгій періодъ семейнаго согласія скоро кончился и настало время, когда возраставшая потребность самостоятельности заставила Славянина возненавидѣть тѣсныя узы быта семейнаго. Столкновеніе идей, переходъ къ новой жизни не обошелся безъ сильныхъ потрясеній и новая эпоха ознаменовалась бурями: «и вста родъ на родъ, и быша усобицѣ въ нихъ, и воевати сами на ся почали» (11). Ссоры Попеловъ (Popiel) въ Польшѣ, семейныя распри въ Чехіи и Молдавіи, отъ которыхъ, по краснорѣчивому выраженію пѣвца *Суда Любуши*, ласточка загорѣвала на Вышеградѣ (12), и подобные же раздоры въ Россіи, воздвигавшіе родъ на родъ, обозначаютъ время наступленія новаго порядка по всей землѣ Славянской.

---

(11) *Несторъ*. Ч. I. стр. 299

(12) *Kraledworsky rukopis*. Прага 1829 стр. 136. Изд. Профессора *Swaboda*.

Они живо представляютъ намъ періодъ разрушенія прежнихъ семейныхъ отношеній. Одинаковость этихъ явленій, повторившихся одновременно въ Россіи, Польшѣ и Богеміи, даетъ имъ характеръ полной исторической правдоподобности: въ нихъ сохранилась для насъ память прежняго Славянскаго быта и происшедшихъ въ немъ переворотовъ. Здѣсь можно кстати привести въ примѣръ родъ княжескій Владиміра святаго: въ лицѣ его потомковъ выступаетъ на сцену историческаго дѣйствованія семья, разросшаяся потомъ въ цѣлый родъ. На княжескомъ родѣ Владиміра св. можемъ подробно изучать развитіе семьи и рода, законы этого развитія и необходимый его исходъ ([13]).

Весьма естественно, что и понятія о собственности, отношенія имущественныя развивались въ зависимости отъ развитія отно-

---

13) Кавелинъ—ibidem.

шеній личныхъ. Развитіе понятій о собственности—опоры личности, не могло идти розно съ развитіемъ послѣдней. По тѣсной связи личности съ собственностью и развитіе ихъ должно было быть одновременное, равномѣрное, аналогическое. Доколѣ семья, а не члены ея, имѣла гражданское значеніе, дотѣхъ-поръ лицо отдѣльное не могло получить никакихъ правъ. Преобладающія въ первобытномъ мірѣ Славянскомъ понятія о семействѣ, какъ лицѣ нравственномъ, необходимо должны были вытѣснить признаніе правъ недѣлимой личности (14). Правами пользовался

---

(14) Въ особенности въ отношеніи уголовнаго права. У всѣхъ народовъ Славянскихъ сперва семейство, а потомъ община составляли лица юридическія или нравственныя. За воровство, грабежъ и убійство, случавшіеся въ предѣлахъ общины, она призываема была къ отвѣту почти до XV вѣка. Такъ было въ Россіи, Богеміи, Сербіи, Моравіи и Польшѣ, гдѣ преимущественно отвѣчало семейство. Въ Россіи общины не имѣли опредѣленнаго названія: каждое селеніе составляло міръ или общину. Въ Статутѣ Казимира-Вел. общины названы Com-

только членъ семейства, состоявшій съ нимъ въ неразрывномъ единеніи; потому и собственность не принадлежала одному лицу, но была общимъ достояніемъ всего семейства ([15]). Объ этомъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствуютъ древніе лѣтописцы, говоря, что у Славянъ *все было общее* ([16]). Ибнъ-Фоцланъ, аравійскій купецъ, проѣзжавшій въ X вѣкѣ черезъ Россію въ Болгарію, разсказываетъ замѣчательный обычай: когда у Русскаго родится сынъ, то отецъ бросаетъ ему мечъ съ словами: «то твое, что̀ добудешь мечомъ своимъ»; ибо всякое другое имущество, прибавляетъ повѣствователь, «есть общее достояніе всего семейства» ([17]). Подобное же указаніе

---

munitates, terrigenae, въ Силезіи — Universitates terrae; въ одномъ Богемскомъ актѣ XIII вѣка они названы по-словянски осадами (osada).

(15) *V. Cadlubconis chronicon Polonorum* p. 26.

(16) *Chronicon Pulkavae* p. 73.— *Chronicon Anonymi* p. 43.— *A. Dobneri Monumenta historica Bohemiae. Pragae* 1764 T. I

(17) *Ibn'Fozlands und andere araber Geschichte.* .. у Френа.

на семейную общность имущества находится и въ древней пѣснѣ о Судѣ Любуши ([18]).

Но нѣтъ сомнѣнія, что древнѣйшимъ подобнаго рода извѣстіямъ нужно вѣрить осторожно, и на основаніи ихъ еще нельзя дѣлать слишкомъ смѣлыхъ заключеній. По скудости извѣстій, часто преувеличиваемъ значеніе ихъ, не обращая при этомъ вниманія на то: въ состояніи ли былъ правильно понять и передать видѣнное и слышанное оставившій ихъ? Что имущество могло быть общимъ достояніемъ семейства, то въ этомъ еще нѣтъ ничего особеннаго; но до какой степени простиралась общность и, наконецъ, о какомъ именно имуществѣ говорятъ лѣтописцы: о движимомъ или недвижимомъ? Вѣроятнѣе, что о первомъ: въ древнія времена, какъ еще и нынче у народовъ дикихъ и полудикихъ, кусокъ желѣза,

---

(18) . . . . . I umreli glawa celedina
dieti wse tu zboiém wiedno wladu.

оружіе, или вообще какое-нибудь произведеніе промышлености или искусства имѣетъ болѣе цѣнности, нежели огромныя пространства земли пустопорожней, никѣмъ неоспориваемой. | Семейное согласіе, а съ нимъ и семейная общность имущества, наконецъ юридическое значеніе семьи начали ослабѣвать и разрушаться по мѣрѣ того, какъ духъ самостоятельности проникалъ въ недѣлимаго человѣка и являлась въ немъ потребность жить независимо отъ другихъ. Такой порядокъ вещей, или такая перемѣна въ общественной жизни Славянъ, конечно, настала не вдругъ, но созрѣвала, подготовлялась по мѣрѣ успѣховъ гражданственности и духа общественнаго. Научась удовлетворять первѣйшимъ потребностямъ грубой природы, человѣкъ обращаетъ вниманіе на самого себя, на свое семейство: съ умноженіемъ населенія онъ незамѣтно явился членомъ болѣе или менѣе благоустроеннаго гражданскаго общества, среди котораго уменьшилась потребность въ отдѣльной

защитѣ, дотолѣ такъ тѣсно связывавшей между собою потомковъ одного родоначальника. Въ гражданскомъ же быту народа проявляются нужды и желанія, свойственныя человѣку-гражданину; и кто станетъ отвергать, что въ то время онъ начинаетъ сознавать цѣну собственности, и собственности поземельной преимущественно? Потому новый порядокъ вещей обнаружился преимущественно въ измѣненіи прежнихъ имущественныхъ отношеній. Духъ самостоятельности, разрушившій преобладающее значеніе семьи, какъ лица юридическаго, и выдѣлившій изъ него личность, не будучи въ состояніи уничтожить ни сознанія родства, ни правъ дѣтей на имущество ихъ общаго отца, произвелъ *наслѣдство*.

Изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ, взятыхъ по необходимости изъ публичнаго права, видно, какое различіе было между древними началами семейнаго единства съ пред-

ставительствомъ чрезъ старшихъ членовъ и новыми понятіями о наслѣдствѣ.

Еще по смерти Рюрика, правленіе переходитъ не къ Игорю, сыну его, какъ бы слѣдовало по порядку наслѣдства, но къ Олегу, старшему въ родѣ ([19]). Игорь, хотя и совершеннолѣтній, наслѣдуетъ послѣ Олега, Это послѣдній примѣръ древняго Славянскаго представительства, но тѣмъ не уменьшается его достоинство. Послѣ Игоря на престолъ вступаетъ несовершеннолѣтній Святославъ, сынъ его. Здѣсь ужь дѣйствуетъ право наслѣдства; ибо, по словамъ Нестора, къ семейству Рюрика принадлежалъ еще Свенельдъ, воевода Святослава, но, несмотря на свое старшинство, онъ былъ обойденъ ([20]).

---

(19) *Лѣтопись Нестора* ibidem ч. I. стр. 263 —*Эверсъ*, Древн. право Руссовъ.

(20) Ibidem ч. V. стр. 22. —*Эверсъ* стр. 12, 16. Могутъ возразить, что это было право не славянское, а германское; но семейныя начала вездѣ одинаковы.

Въ Польшѣ, по смерти Казимира, искали наслѣдника. Краковскій епископъ Fulco (повидимому приверженецъ новыхъ началъ), предложилъ на государственномъ сеймѣ избрать старшаго сына Лешка, хотя еще и несовершеннолѣтняго. Одинъ изъ совѣтниковъ, державшійся древняго обычая, возразилъ ему на это: «Non decens est ut cano vertici impubertas dominetur», т. е. неприлично несовершеннолѣтнему властвовать надъ сѣдою головой, и подалъ голосъ въ пользу Мечислава.

Епископъ отвѣчалъ: «Мужъ разумный, а говоритъ недѣльно; ибо другое дѣло право избранія, и право наслѣдства: въ томъ свобода сравненія и выбора; въ этомъ необходимость права; тѣмъ отвергаются всѣ ниже законнаго возраста, этимъ даже младенцы не исключаются (21)».

---

(21) *Boguphali Chronicon Poloniae cf Sommersberg.* т. II. p. 50. «Haec a te ut pote viro prudente non eleganter sunt allegata; pror-

Эти два примѣра убѣждаютъ насъ, съ одной стороны, въ томъ, что общественная жизнь Славянъ была основана на началѣ семейнаго единства, съ другой же стороны, они служатъ подтвержденіемъ, какъ стремленіе къ личной самостоятельности, разрушивъ мало-помалу это начало, выдѣлило личность, а съ нею и собственность частную.

Таковъ былъ, по нашему мнѣнію, юридическій бытъ древнѣйшей Руси и прочихъ народовъ Славянскихъ; таково было его развитіе и конечный исходъ. Между-тѣмъ Эверсъ, знаменитый изыскатель нашей исторіи, объявилъ юридическій бытъ Славянъ родовымъ (22). Ему послѣдовалъ

sus enim aliud juris habet electio, alius jus successorum; in illo libramen librationum libertas, ac in isto urgentissima juris necessitas; ab illo omnes citra legitimam aetatem releganlur, ab illo nec infantuli, nec postremi excluduntur».

(22) *Древнѣйшее право Руссовъ* (Das aelteste Recht der Russen). 1819 года. Переводъ Платонова. I. vol.

А. Рейцъ (23). Оба писателя стараются доказать существованіе родоваго быта, которымъ и объясняютъ нѣкоторые пробѣлы, встрѣчаемые въ древнемъ законодательствѣ нашемъ. Авторитетъ Эверса увлекъ еще нѣкоторыхъ отличныхъ ученыхъ (24); повѣрили на слово, и мнѣніе о родовомъ бытѣ воцарилось между юристами и историками. Одинъ только Матѣёвскій не признаетъ существованія родоваго быта у Славянъ и, опираясь на юридическомъ значеніи семьи у всѣхъ народовъ Славянскихъ, обвиняетъ Эверса въ примѣненіи къ правамъ Славянскимъ попытокъ чуждаго намъ законодательства (25).

---

(23) *Опытъ исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ законовъ, въ историческомъ ихъ развитіи.* Перев. А. Марошкина. Москва 1832. 1. vol.

(24) См. отличную статью г. Кавелина: *Юридическій бытъ древней Руси,* помѣщенную въ № 1 *Современника* за 1847 г. Даже профессоръ *Соловьевъ,* въ 1-мъ томѣ своей *Исторіи Россіи,* признаетъ существованіе родоваго быта у Славянъ.

(25) *A. W. Maciejowski:* Historya prawodawstw Słowiańskich. Warszawa i Lipsk 1832 r. 4 vol. t. II. s. 529.

Ученые, признавъ бытъ Славянъ родовымъ, повели свои заключенія далѣе. Естественно, что народу, жившему въ тѣсномъ родовомъ союзѣ, не могла быть извѣстна частная собственность; изъ этого вывели заключеніе, что у Русскихъ Славянъ земля не могла быть предметомъ частной собственности, но состояла *въ общемъ владѣніи родовъ*. Конечно, съ помощью подобной ипотезы легко и удобно объясняется молчаніе нашихъ древнихъ законодательныхъ и историческихъ памятниковъ о поземельной собственности и о большей части имущественныхъ отношеній. Но дѣло въ томъ, что ни Эверсъ, ни послѣдователи его, никто изъ нихъ не опредѣлилъ объема содержанія понятій семьи и рода; а изъ этого произошло то, что они, говоря о родовомъ союзѣ или объ общемъ владѣніи, безпрестанно выводятъ на сцену то родъ, то семейство, принимаютъ ихъ за понятія однозначущія, смѣшиваютъ ихъ въ одно и то время, когда между ними существуетъ та-

кое различіе, какое между частью и цѣлымъ (26).

Несмотря на авторитеты, мы сомнѣваемся даже въ возможности общаго владѣнія, которое, по нашему мнѣнію, никогда не существовало и существовать не могло у народовъ Славянскихъ, какъ противорѣчащее правамъ и образу жизни ихъ.

Для подкрѣпленія этой, думаемъ, несбыточной гипотезы, неудачно ссылаются на призрачное осуществленіе ея въ жизни древнихъ Германцевъ.

Юлій Цезарь первый описалъ характеръ, обычаи и образъ жизни древнихъ Германцевъ. Изъ описанія его видно, что древніе Германцы были народъ кочующій, раздѣлялись на семейства и поколѣнія, состоявшія подъ управленіемъ князей или предво-

---

(26) Этого нельзя, впрочемъ, сказать о статьѣ г. Кавелина.

дителей. У народовъ, жившихъ подобно древнимъ Германцамъ, умиравшій родоначальникъ оставлялъ свое имущество не собственному потомству исключительно, но всѣмъ вообще родственникамъ, составлявшимъ одно съ нимъ семейство и раздѣлявшимъ съ нимъ труды и заботы его кочевой жизни. Но изъ этого же самаго источника узнаёмъ мы и причину такого порядка вещей. (27) И кстати ли, въ вопросѣ важномъ ссылаться на древнихъ Германцевъ, жившихъ лагеремъ, на воиновъ, кочующихъ, переводимыхъ ежегодно съ мѣста на мѣсто для того, чтобъ привычка къ осѣдлой жизни не истребила въ нихъ духа воинственнаго! Въ подобной жизни походной, какова была жизнь древнихъ

(27) *Julius Caesar de bello Gallico* l. VI. 21.

«Sed privati ac separati agri apud eos nihil est; neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet........ neque quisquam agrimodum certum aut fines proprios habet, sed magistratus ac principes in annos singulas, gentibus, cognationibusque hominum, qui una cojerunt, quantum esset quo loco visum est, atribuunt agri, atque anno post alio transire cogunt.»

Германцевъ, было и легче и прибыльнѣе обработывать общими силами землю, отводимую для цѣлаго поколѣнія; но кто не согласится съ тѣмъ, что въ то время у нихъ земля и не могла быть *предметомъ собственности*? Пользуясь землею временно, воинственный Германецъ, конечно, не думалъ присвоивать ее себѣ въ вѣчную собственность.

Совершенно въ противоположномъ видѣ, при иныхъ условіяхъ быта, являются Славяне на сценѣ историческаго міра. Славяне, въ противоположность древнимъ Германцамъ, были народъ осѣдлый, земледѣльческій, и уже по этому самому знакомый съ частною собственностью, съ наслѣдствомъ и съ прочими послѣдствіями права собственности; ибо земледѣліе, по умному изреченію древняго писателя Ксенофона, раждается вмѣстѣ съ обществомъ и законами современно раздѣлу земли и присвоенію ея въ частную собственность. Доказательствомъ этому, между про-

чимъ, служатъ сами же Германцы, которые, оставивъ жизнь кочевую и перейдя въ состояніе осѣдлыхъ земледѣльцевъ, какими были они уже во время Тацита, въ быту новомъ познакомились и съ собственностью частною и съ наслѣдствомъ. Дѣйствительно, Тацитъ, описывая нравы и обычаи земледѣльческихъ Германцевъ, говоритъ, что имъ было извѣстно одно и другое—и собственность и наслѣдство ([28]). Таковы уже послѣдствія быта земледѣльческаго.

Очевидно, что ни Эверсъ ([29]), ни Рейцъ ([30]), ни послѣдователи ихъ, поборники общаго владѣнія, не обратили при этомъ вниманія ни на образъ жизни Славянъ, ни на существенныя условія быта земледѣльческаго. Правда,

(28) *Tacitus: de moribus situ et ritu veterorum Germanorum.* «.....Heredes tamen successoresque sui cuique liberi et nullum testamentum. Si liberi non sunt, proximus gradus in possessiono fratres, patrui, avunculi.....»

(29) Древнѣйшее право Руссовъ —стр. 19 и 20.

(30) Опытъ исторіи и проч. стр. 9 и 68.

нужда естественная во взаимной защитѣ, часто приводитъ семейства, происходящія отъ одного общаго родоначальника къ общему союзу; но стремленіе, тоже естественное, каждаго лица быть независимымъ господиномъ своихъ окрестностей, разрушаетъ подобные союзы въ самомъ началѣ ихъ. Не понимаемъ, отчего бы и въ частной жизни нашихъ предковъ не могло случиться то же, что̀ сбылось въ публичной, гдѣ борьба страстей разрушила единство Руси и рода княжескаго? Различіе было бы только въ размѣрѣ.

Теперь обращаемся къ доказательствамъ, приводимымъ въ пользу общаго владѣнія. Легко убѣдимся въ томъ, что это не доказательства, но только предположенія.

Во-первыхъ. Въ подтвержденіе существованія общаго владѣнія указываютъ на то обстоятельство, что наши древнѣйшіе законо-

дательные памятники ничего не говорятъ ни о наслѣдствѣ, ни о раздѣлѣ поземельной собственности. Упоминаемые же въ Правдѣ Русской *задница*, *товаръ* и статокъ относятся къ движимому имуществу. «Только въ общемъ владѣніи» говоритъ Рейцъ «можно искать причины молчанія древнѣйшихъ нашихъ законовъ касательно наслѣдства поземельной собственности. Земля въ Русской Правдѣ вовсе не упоминается какъ предметъ наслѣдства; оставляемое имѣніе задница, остатокъ, товаръ, по смыслу словъ, кажется, было только движимое имѣніе (31). Касательно отцовскаго двора, есть положеніе, но также зависящее отъ обстоятельствъ: если законодатель могъ распоряжаться онымъ, почему жь не

(31) По-крайней-мѣрѣ, неупоминаемая въ Правдѣ *задница*— которое, по своему смыслу, очевидно означаетъ все вообще имущество, оставававшееся послѣ чьей-нибудь смерти. Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ и до настоящаго времени еще употребляются народомъ слова *товаръ* и *статокъ*, преимущественно послѣднее, и означаютъ

могъ землею? Итакъ, должно предполагать, что не наступилъ еще порядокъ вещей, который требовалъ бы опредѣленія законодателя. Ежели бы земля была раздѣлена, то таковыя опредѣленія существовали бы; ибо раздѣленіе влечетъ за собою различные случаи права и претензіи, слѣдовательно дѣлаетъ необходимыми законныя опредѣленія. Уже послѣ постепеннаго ослабленія семейственныхъ узъ происходитъ уничтоженіе общаго владѣнія; а какъ долго можетъ оно существовать въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, показываетъ продолженіе сего установленія даже въ новѣйшія времена у одного Славянскаго народа. И здѣсь Рейцъ, по примѣру Эверса, указываетъ на жителей Славоніи.

бо́льшее или меньшее стадо домашняго рогатаго скота. Мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что въ Украйнѣ и вообще въ южныхъ нашихъ губерніяхъ волы называются *товаромъ*. Намъ удалось читать и слышать одну Бѣлорусскую пѣсню, въ которой рогатый скотъ названъ *товаромъ*.

Возражаемъ словами Эверса: «Древній законъ ничего не говоритъ ни о семейственномъ, ни о наслѣдственномъ правѣ, потому-что и то и другое вначалѣ было семейственнымъ дѣломъ, въ которое законодательству не было нужды вмѣшиваться. Домохозяинъ и глава семейства дѣйствовали съ неограниченною властью во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ. Вначалѣ все семейственное право не принадлежало къ области законодательства; оно происходило само собою изъ внутренней жизни семействъ и изъ обычаевъ. По этой причинѣ всѣ древнѣйшіе законодательные памятники молчатъ о семейственномъ и наслѣдственномъ правѣ.»

Итакъ, доказывать общее владѣніе молчаніемъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ о раздѣлѣ поземельной собственности—несправедливо. Это молчаніе можно объяснить себѣ и другимъ образомъ. Кромѣ того, извѣстно, что наши древніе памятники не

говорятъ часто и о такихъ юридическихъ установленіяхъ, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они существовали въ то время, когда явились эти памятники. Такъ въ Судебникѣ Іоанна IV ничего не говорится о помѣстьяхъ, тогда-какъ хорошо извѣстно, что онѣ существовали уже во время Іоанна III.

Между-тѣмъ въ Правдѣ Русской встрѣчаются два весьма замѣчательныя постановленія, мало говорящія въ пользу общаго владѣнія.

Первое: наказаніе или вира за нарушеніе межи (32). Эверсъ почти молчаніемъ проходитъ это постановленіе, какъ противорѣчащее его мнѣнію; а Рейцъ объясняетъ его посвоему, тѣмъ, что это была межа, разграничивающая поземельные участки двухъ со-

---

(32) А иже межоу перорετъ, либо перетесъ: то за обиду 12 гривенъ. (П. Р.)

сѣднихъ *родовъ.* Родовъ? Почему же не частныхъ лицъ или семействъ? И это предположеніе было бы правдоподобнѣе, потому-что между обширными участками, какими могли быть владѣнія рода, границы обозначаются не межами, а урочищами или тому подобными признаками. Какъ бы то ни было, этотъ законъ о межахъ противорѣчитъ общему владѣнію.

Второе: учрежденіе или, правильнѣе, утвержденіе закономъ *минората* (дворъ отцовскій младшему сыну), вѣроятно, бывшаго въ правахъ Славянскихъ, уже до очевидности противорѣчитъ общему владѣнію: къ-чему бы законодатель сталъ освящать закономъ подобный обычай, если братья, при существованіи предполагаемаго общаго владѣнія, были бы обязаны жить вмѣстѣ?

Но вотъ еще фактъ совершенно-несогласный съ общимъ владѣніемъ, какъ указываю-

щій на существованіе частной собственности въ древнѣйшія времена въ Россіи. Преподобный Варлаамъ, вкладною грамотою 1192 — 1207 года, пожертвовалъ Хутынскому монастырю свои земли и рыбныя ловли (33). Этотъ фактъ извѣстенъ Рейцу.

Также и выраженіе, часто встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ грамотахъ: *земли, водѣ судъ отъ вѣка* — тоже содержитъ въ себѣ противорѣчіе общему владѣнію (34).

Но между-тѣмъ не совсѣмъ можно ссылаться и на отсутствіе слѣдовъ существованія наслѣдства въ древнѣйшія времена въ Россіи. Нравы Славянъ, какъ народа земледѣльческаго, легко допускаютъ предположе-

(33) *Акты Историческіе*—дополненіе къ I-му тому.

(34) *Акты Археологической Экспедиціи* № 14 Договорная грамота (около 1398 года):..... «а холопу, раба, данному, положенному, заемному, поручному, земли, водѣ судъ отъ вѣка».

ніе, что имъ была извѣстна и частная собственность и наслѣдство. Уже Карамзинъ обратилъ на это вниманіе, но Эверсъ возсталъ противъ него и, кажется, несправедливо. Основываясь на Олеговомъ договорѣ съ Греками, можно, кажется, заключить, что наслѣдство существовало у Русскихъ Славянъ, въ древнѣйшія времена. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующее выраженіе договора: «Если Русинъ умретъ въ Греціи *не урядивъ* своимъ имѣньемъ и не имѣя при себѣ родственниковъ, то имѣнье его да будетъ отослано въ Русь къ милымъ ближникомъ (35).» Эверсъ объясняетъ это мѣсто такимъ образомъ (36): «Указаніе, говоритъ онъ, находимое Карамзинымъ въ Олеговомъ договорѣ на существовавшее будто уже тогда въ

---

(35) Аще кто умретъ не урядивъ своего имѣнья, ни своихъ не имать, да возвратитъ имѣніе къ милымъ ближникомъ въ Руси.

(36) Древ. П. Рус. стр. 308.

Россіи право наслѣдія, клонится очевидно къ той единственно цѣли, чтобы оградить наслѣдство послѣ Руспна, умиравшаго въ Греческой службѣ отъ притязанія казны императорской. То, что въ принятой по сему случаю мѣрѣ, какъ-будто указываетъ на право наслѣдія, болѣе относится къ Римскому, нежели Русскому праву». Мы же понимаемъ это такимъ образомъ, что Олегъ требовалъ, а Греки согласились, высылать непремѣнно въ Россію имущество Русскихъ, безпотомно умершихъ и нераспорядившихъ своимъ имуществомъ. Поэтому умиравшій не могъ опасаться какихъ-либо притязаній казны императорской. Но тогда къ чему бы вставлять и слово *не урядивъ*? Если существовало общее владѣніе и Русскимъ еще не было извѣстно наслѣдство, въ такомъ случаѣ умиравшему было извѣстно: во-первыхъ, что имущество его непремѣнно будетъ отослано въ Россію, а вовторыхъ, что оно будетъ отдано роду его. Первое обезпечено государственнымъ до-

говоромъ, второе—народнымъ обычаемъ, измѣнить который не были бы властны никакія распоряженія умиравшаго. Да вѣроятно, что, въ такомъ случаѣ, онъ и не думалъ бы о какихъ либо особыхъ распоряженіяхъ, бывъ напередъ увѣреннымъ въ совершенной ихъ безполезности. Послѣ этого какъ же остается понимать слово *не урядивъ*: безсмыслица ли это, или просто слово безъ цѣли и некстати вставленное въ договорѣ? Ни то, ни другое; ибо на слово *не урядивъ* опирается цѣлая мысль, цѣлое условіе договора. На основаніи смысла этой статьи, и мы тоже позволяемъ себѣ сдѣлать заключеніе, что въ то время Славянамъ уже было извѣстно наслѣдство, и обязанности предполагаемаго общаго владѣнія не стѣсняли никого въ добровольномъ распоряженіи своимъ имуществомъ. Вѣроятно, что въ извѣстныхъ случаяхъ, умиравшій имѣлъ право распоряжаться (рядить) имъ и по собственному произволу избирать наслѣдниковъ; и обратно, были

случаи, когда онъ не имѣлъ надобности, или, вѣрнѣе, права *рядить* своимъ имѣніемъ, переходившимъ къ новымъ владѣльцамъ (*своимъ* дѣтямъ), по принятому обычаю — и этимъ обычаемъ очевидно было право наслѣдія.

Наконецъ, обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство. Въ нашемъ государственномъ или публичномъ правѣ въ самомъ началѣ встрѣчаемъ наслѣдство; почему не могло оно существовать и въ правѣ частномъ? Князья наши дѣлили свои владѣнія—вотчины, по-ровну между сыновьями, то нельзя ли предположить, что подобное же раздѣленіе наслѣдства существовало въ бытѣ частномъ, изъ него перенесено въ право государственное? Откуда же, если не изъ жизни частной, наши князья переняли обычай раздѣлять владѣнія между сыновьями? По-крайней-мѣрѣ трудно представить такое состояніе общества, въ которомъ бы княжества вѣчно дро-

бились и подраздѣлялись по наслѣдству — а масса народа жила бы въ общемъ владѣніи!

Во-вторыхъ. Эверсъ, между прочимъ, доказываетъ существованіе въ Россіи общаго владѣнія и Олеговымъ договоромъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее выраженіе: *имаше же и за убіенныя, глаголя: яко родъ его възметъ* (37).

«Такой образъ разсчисленія дани» говоритъ Эверсъ, «можно находить у многихъ грубыхъ и воинственныхъ народовъ. Онъ основывается на первобытной нераздѣльности семейственнаго имущества. Всѣ, бывшіе въ походѣ, имѣли право на выгоды, пріобрѣтенныя посредствомъ похода. Воины поставлялись отъ каждаго рода въ особенности; слѣдовательно пріобрѣтенное ими въ походѣ принадлежало родамъ, которые поставили ихъ

---

(37) Древнѣйшее право Руссовъ стр. 88.

и чрезъ то самое предпріятіе сдѣлали возможнымъ. Если посему представитель рода не могъ самъ лично, по какой-нибудь причинѣ, получить своего участка, то родъ отъ того не терялъ еще право; ибо участіе его нисколько не измѣнялось, остался ли въ живыхъ или умиралъ поставленный имъ ратникъ. Въ случаѣ смерти ратника, все, что приходилось на его часть, было сохраняемо въ пользу рода, и отдавалось ему по возвращеніи въ отечество (38).»

Вотъ одинъ изъ множества случаевъ, когда находишься въ недоумѣніи и не знаешь какъ понимать Эверса. Какъ употребляетъ онъ слово родъ: въ смыслѣ ли собственно рода, или въ смыслѣ семьи? Свойство языка позволяетъ иногда семью называть родомъ; такъ, напримѣръ, часто употребляется выраженіе для означенія одиночества: *ни рода,*

---

(38) Ibidem.

ни племени. Если здѣсь слово родъ употреблено въ смыслѣ семьи, то можно согласиться съ Эверсомъ. Впрочемъ, есть основаніе думать, что, въ настоящемъ случаѣ, слово *родъ* употреблено Эверсомъ въ смыслѣ *семьи*, потому-что выраженіе *яко родъ его възметъ*, объяснено имъ, какъ сказано выше, первобытною нераздѣльностью *семейнаго* имущества. Въ противномъ случаѣ, это доказательство нисколько не подтверждало бы возможности общаго владѣнія; ибо выраженіе: *яко родъ его възметъ* — есть совершенно придаточное; договаривавшіяся стороны могли бы и не включать его, или же выразить его другимъ образомъ, напримѣръ, вмѣсто родъ поставить *наслѣдники.* Это выраженіе еще можно разсматривать какъ особенность языка, допускающаго называть семью родомъ. Наконецъ это выраженіе имѣетъ значеніе оговорки: Олегъ, требуя дани на убіенныхъ, не могъ знать, какихъ родственниковъ имѣлъ уби-

тый, а потому и выразился глухо, выраженіемъ общимъ: *яко родъ его възметъ.*

Въ-третьихъ. Говорятъ: «Если общее владѣніе существовало у Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ, то существованіе его въ Россіи становится еще болѣе вѣроятнымъ (39).

---

(39) Въ доказательство, напримѣръ, существованія общаго владѣнія въ древней Польшѣ, приводятъ нѣкоторые слѣдующее мѣсто изъ Кадлубка: «Fuit autem huic genti jus quondam eo antiquo persolenne et quasi consuetudinis autoritate approbatum, ut quisque potentium quorsum libet vergens pompatice pauperum non tantum paleam, foenum, stipulum, sed annonem horreis ac tuguriis perfractis predative diriperet, ut depescendum ac proculcandum profunderet. Erat et aliud non dissimili temeritate antiquatum, quociens a patente aliquid et exilis legatiuncula ad quemlibet esset instanter proferendium, jussi sunt satellites veredis pauperum insilive et unius hore momento infinitissima stadiorum millia cursu citissima transvolare, qua res seilicet sen *podwodi* multis multa sunt pericula, quorundam caballis irremedibiliter enervatis, quorundam penitus extinctis, nonnullis cum probati essent, irrevocabiliter abducti.

(*Vincentii Cadlubconis Chronicon Poloniae. Gedani MDCCXLIX* pag. 23).

Допустивъ даже, что общее владѣніе и дѣйствительно существовало у нѣкоторыхъ народовъ Славянскихъ, то аналогія, по-крайней-мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ еще ничего не значитъ, потому-что у народовъ одного поколѣнія мы видимъ тѣмъ неменѣе различныя постановленія. Примѣромъ этому могутъ служить народы Греческіе и Германскіе; и обратно, у народовъ различнаго происхожденія сходные обычаи и учрежденія. Такъ, напримѣръ, у Литовцевъ и Карѳагенянъ существовали сходные обычаи для обозначенія границъ поземельныхъ владѣній (40).

---

(40) Саллюстій, въ описаніи войны Югуртинской разсказываетъ, что, для разрѣшенія возникшихъ между Карѳагеномъ и Киринайкою споровъ за границы, прибѣгнули къ слѣдующему способу. Рѣшено, чтобы избранные отъ каждой стороны по два, представители вышли одновременно въ путь по прямому направленію—и мѣсто встрѣчи да будетъ границею обоихъ владѣній. Братья Philenes, посланные Карѳагеномъ, прошли бо̀льшее пространство, нежели повѣренные, высланные Киринайкою. Послѣдніе, изъ стыда и зависти, обви-

Относительно же общаго владѣнія у другихъ Славянскихъ народовъ извѣстія, на которыхъ основаны доказательства существованія его, также весьма немногочисленны и сомнительны. И здѣсь прибѣгаютъ болѣе къ предположеніямъ, ипотезамъ, нежели къ достовѣрнымъ доказательствамъ, которыхъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Нѣкоторые даже по-

---

нили обоихъ братьевъ въ вѣроломствѣ и хитрости, и не иначе соглашались признать правъ, пріобрѣтенныхъ ими неправною ходьбою, какъ только въ такомъ случаѣ, когда они сами добровольно согласятся быть закопанными живыми на томъ же самомъ мѣстѣ. Братья согласились, и этимъ присоединилось большое пространство земли къ владѣніямъ Карѳагенской Республики. Благодарное ихъ отечество воздвигло этимъ благороднымъ жертвамъ на могилахъ ихъ алтари, которые, подъ именемъ *алтарей Филипейскихъ*, пережили могущество и славу самого Карѳагена.

Подобное же обыкновеніе встрѣчается и въ Литвѣ. Въ первомъ Литовскомъ Статутѣ 1 Разд. 8, Арт. 9) о границахъ въ лѣсахъ постановлено слѣдующее: Tunc unusquisque eorum debet, ex suis agris directe extirpando procedere, et unus alterum, non debet a silva praevenire, ut ubi obviaverint sibi securas ibi fiant granicies. Далѣе прибавлено: Si vero unus altero validior fuerit, et plus extirpaverit, et illi videretur injuria, tunc ille, qui plus extirpaverit debet illi dare sylvae tantum, quod sint sortes aequales.

дозрѣваютъ въ вымыслахъ главный источникъ, откуда почерпаются доказательства въ пользу существованія общаго владѣнія у прочихъ народовъ славянскихъ (Чеховъ и Поляковъ). «Безполезно» говоритъ Матѣёвскій ([41]), «въ этомъ отношеніи ссылаться на свидѣтельство нашихъ (Чешскихъ и Польскихъ) лѣтописцевъ; потому-что они — чего уже и доказывать не стоитъ — ничего объ этомъ не сказали. Кто же прибѣгаетъ къ свидѣтельству лѣтописцевъ Богемскихъ и ими доказываетъ существованіе общаго владѣнія у древнихъ Чеховъ, тотъ да обратится къ Космасу, главному подобныхъ извѣстій источнику. Но встрѣчающееся у него выраженіе ([42]): *nec meum quisquam dicere norat, sed ad instar monasticae vitae, quidquid habebant,*

---

(41) Maciejowski—Historya prawodawstw Słowiańskich.

(42) На стр. 8.—Космасъ, бывшій въ XIII вѣкѣ прелатомъ въ Прагѣ оставилъ Лѣтопись, помѣщенную въ Scriptores rerum Bohemicarum, Pragae. 1783 an.

nostrum ore, corde et opere sonabant, да и еще кое-что въ подобномъ же родѣ, болѣе нежели убѣждаютъ насъ въ томъ, что подобныя выраженія заняты имъ у Римскихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ золотой вѣкъ Августа — что́ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому образу повѣствованія и взгляду на вещи и событія, какими отличается этотъ лѣтописецъ.»

Между-тѣмъ, соображась съ духомъ или направленіемъ древняго законодательства прочихъ народовъ Славянскихъ и у нихъ существованіе общаго владѣнія покажется болѣе нежели сомнительнымъ. Къ этому заключенію невольно приводитъ древнее законодательство Славянское о наслѣдствѣ. Куда бы ни обратились вездѣ встрѣчаемся съ предѣлами тѣсными съ правами исключительными *семьи*, но *не рода* ([43]). Такъ именно бы-

---

(43) Истор. и Статистическій Сборникъ. Москва 1845 г.— *Іосифа Губе:* Исторія древняго наслѣдственнаго права у Славянъ.

ло у Чеховъ ([44]), Поляковъ ([45]) и Сербовъ ([46]). Кромѣ этого, у всѣхъ соплеменныхъ намъ народовъ, уже весьма рано появляется раздѣлъ семейнаго имущества. Такъ у Сербовъ члены отдѣлялись отъ семейства и покидали общій домъ ([47]). Въ Польшѣ вліяніе семейства на отчужденіе родоваго имущества стало ослабѣвать довольно рано; можно полагать даже, что это началось гораздо раньше появленія Вислицкаго Статута ([48]).

Словомъ, образованіе или начало наслѣдства, какъ у насъ, такъ и у прочихъ народовъ Славянскихъ, должно отнести ко вре-

---

(44) *Prawa a Zrijzenii Ziemská kralowstwij Czeskieho Lietha* MDLXIV.

(45) Jus Polonicum codicibu veteribus manuscriptis et editionibus quibusque collatis edidit Joannes Vinc. Bandtkis. Varsoviae 1831 p. 124 ex. Volumen Legum t. I. p. 54.—

(46) Зак. и Уст. Душана. (о бащинѣ).

(47) Ibidem.

(48) Lelewel. Początkowe prawodawstwo Polskie..

мени распаденія преобладавшаго значенія семейнаго союза. Когда именно первоначальныя понятія уступили мѣсто новымъ—опредѣлить невозможно, какъ и вообще невозможно провести рѣзкой черты между двумя эпохами въ исторіи. Вѣроятно, что эта естественная перемѣна совершилась рано, во времена отдаленныя, потому-что у всѣхъ народовъ Славянскихъ существуютъ или преданія, или даже достовѣрные историческіе факты, относящіе существованіе собственности частной къ глубокой древности. Такъ легенда о св. Вацлавѣ относитъ существованіе собственности частной въ Богеміи къ временамъ весьма отдаленнымъ ([49]). Космасъ упоминаетъ о ссорѣ двухъ сосѣдей за межи; а касательно Польши, дипломъ 1088 года, древнѣйшій изъ извѣстныхъ, сохранилъ намъ память о раздѣлѣ трехъ братьевъ Любомир-

---

([49]) *Petrohradska legenda o Ś. Wacławie.* Изд. Ганкою въ Прагѣ 1830 г.

скихъ ([50]). Въ Помераніи еще во времена языческія существовало наслѣдство, по праву котораго наслѣдовали только одни сыновья ([51]). Относительно Россіи, мы уже представили примѣръ, хотя и неотносящійся къ временамъ столь отдаленнымъ.

Какъ скоро появились раздѣлы, съ тѣмъ вмѣстѣ разрушилась и первоначальная общность семейнаго имущества. Каждый, отдѣляясь отъ семейства, пріобрѣталъ исключительное право на свою долю; но въ то же

---

(50) Czacki помѣстилъ его слово въ слово, въ сочиненіи своемъ: *fon dem Quellen derjenigen Gesetze, welche eine verhindende Kraft in Polen und Litthaunien hatten.—Dziennik Wileński,* Nowembr. p. 1823. Въ этомъ дипломѣ между прочимъ говорится, что они (братья Любомирскіе) приступили къ раздѣлу: «jure divini et naturali paterna successione concernentia».

(51) Dreger: *Codex dyplomaticus Pomeraniae.* T. 1. Stettin. anno 1748. № CXCI. стр. 287...... «Cum in paganismo solos filios habebant successores.... ..»

время отказывался отъ всѣхъ притязаній на доли прочихъ лицъ. Вмѣстѣ съ раздѣлами явились первыя понятія о наслѣдствѣ. Древнія преданія не говорятъ, въ какомъ видѣ явилось первое наслѣдство. Въ нихъ встрѣчаются только слабые намеки, изъ которыхъ трудно составить ясное и опредѣленное понятіе. Впрочемъ, изъ упомянутаго Померанскаго акта и въ-особенности раздѣла Любомирскихъ, гдѣ каждый отказывается за себя и за наслѣдниковъ своихъ отъ притязаній на доли прочихъ братьевъ, можно заключить, что сначала имѣніе переходило къ дѣтямъ, не далѣе; если же не было дѣтей, то имѣніе становилось выморочнымъ (puścizna), на которое никто не имѣлъ права; слѣдовательно, какъ res nullius, оно переходило къ правителю. Примѣромъ этому можетъ служить то, что Кадлубекъ говоритъ объ имѣніяхъ лицъ духовныхъ, которое по смерти ихъ переходило въ казну княжескую (fiscus), что̀ видно даже

и изъ позднѣйшаго, уже письменнаго законодательства всѣхъ народовъ Славянскихъ ([52]).

Другихъ, дипломатическихъ, а потому и болѣе достовѣрныхъ, доказательствъ ни Эверсъ, ни послѣдователи его въ подтвержденіе общаго владѣнія не приводятъ; а между-тѣмъ ихъ только и не достаетъ для окончательнаго рѣшенія этого важнаго вопроса.

Впрочемъ, Эверсъ еще ссылается на Платона, на образъ жизни и обычаи нѣкоторыхъ современныхъ Славянскихъ народовъ, на Судъ Любуши. Но допустивъ даже, что образъ платоническаго наслѣдія и могъ бы въ этомъ отношеніи служить какимъ-нибудь объясненіемъ или подтвержденіемъ, однакожъ, нельзя не замѣтить, что Эверсъ неудачно примѣнилъ его къ правамъ Славянскимъ. Хотя же

(52) Только въ Россіи и Сербіи сдѣлано исключеніе въ пользу высшаго сословія (бояръ).

жители Славоніи, по описаніи Чапловича ([53]), и ведутъ такой образъ жизни, какой именно былъ нуженъ Эверсу для подкрѣпленія объявленнаго имъ общаго владѣнія, но дѣло въ томъ, что, при этомъ сравненіи, не приняты въ разсчетъ многія обстоятельства, вліяющія на нравы и обычаи народовъ. Изъ описанія Чапловича видно, что бѣдные Кроаты имѣютъ обыкновеніе заключать между нѣсколькими родственными семействами договоръ, по которому имущество считается общимъ достояніемъ всѣхъ договорившихся. Но здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, потому-что, въ противномъ случаѣ, народу, безъ промысла и лишеннаго удобства зарабатывать поодиначкѣ, пришлось бы умеретъ отъ голода.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ можно ссылаться на Судъ Любуши, котораго содержаніе со-

---

(53) *J. V. Csaplovic*—Slavonien und zum Theil Croatien. I. Vol. Pesth, 1819, pg. 105.

держитъ въ себѣ столько противорѣчащихъ одинъ другому фактовъ. Поборники общаго владѣнія ссылаются обыкновенно на слѣдующее мѣсто пѣсни (54):

I umreli glawa celedina
Deti wse tu zbożiem wiedno wladu

Допустивъ даже, что у древнихъ Чеховъ и дѣйствительно было обыкновеніе избирать общинно или родоначальниковъ (władyka), то здѣсь же ясно говорится, что это именно для того, чтобы онъ, присутствуя на общественныхъ совѣщаніяхъ (snemy) отъ лица всего рода, или общины, въ качествѣ пред-

---

(54) *Извѣстія Рос. Академіи.* Кн. IX стр. 50—63. — *Rakowiecki*—Prawda Russka 1820 г. Warszawa T. I pg. 235.—*Шафарикъ:* die ält. Denkmähler der Böhm. Sprache.

Wsak ot swej celedi wojewod
Musie pasu zeny ruby stroja
I umreli glawa celedina
deti wse tu zbożiem wiedno wladu,
Władyka si z rodu wybernuce,
Ky penedle w snemy slawny chodi
Chodi z kmetmi lechi wladykami.

ставителя или депутата, подалъ бы тѣмъ имъ возможность не прерывать своихъ хозяйственныхъ занятій. Поэтому и сказано:

Ky plecnedle w snemy slawny chodi?

А между-тѣмъ основою пѣсни о Судѣ Любуши служитъ споръ за *наслѣдство* (dedina otna) двухъ братьевъ Кленовичей изъ древняго Попелева рода. (Roda stara jetwy Popelewa). Но въ особенности слѣдовало бы обратить вниманіе на то обстоятельство, что оба брата жили каждый особо въ *своихъ помѣстьяхъ*: старшій.

Luty Chrudos na Olawe kriwe
Na Olawe kriwe zlatonosne

младшій

Staglaw chraber na Raduzze chladne.

Итакъ характеръ спора получаетъ отъ этого иное значеніе. Общаго владѣнія нѣтъ: братья жили *розно*, и спорятъ не за *сохраненіе въ цѣлости и нераздѣльности* родоваго имѣнія, но спорятъ лишь за *часть* имущества,

вѣроятно, за домъ или за́мокъ отцовскій—колыбель древняго рода Клеповичей. Конечно, это предположеніе; но безъ него содержаніе древней пѣсни остается запутаннымъ и все сочиненіе безъ идеи. Притомъ еще примемъ въ соображеніе и то обстоятельство, что минорать былъ въ правахъ Славянскихъ, и что, быть можетъ, на этомъ основаніи младшій братъ требовалъ для себя домъ отцовскій въ то время, какъ старшій, подъ вліяніемъ феодальныхъ понятій, проникшихъ изъ Германіи и рано введшихъ въ Богеміи маіораты, оспоривалъ, въ противоположность прежнему обычаю, права младшаго брата—ясно, что событіе, послужившіе содержаніемъ пѣсни или поэмы о Судѣ Любуши, относится къ тому времени, когда феодальныя понятія, проникшія, какъ извѣстно, довольно рано изъ Германіи, возымѣли вліяніе въ Богеміи. Это видно изъ того, что когда старшій братъ потребовалъ для себя одного отцовское наслѣдство:

Perwencu dedinu dati prawdu

то присутствующіе отвѣчали ему на это:

Ne chwalno nam w Nemcech iskati prawdu
U nas prawda po zakonu świtu
Juže prinesechu otci nasi.

Если теперь, сличивъ доказательства съ возраженіями, сдѣлать средній выводъ и все разсмотрѣнное нами привести къ одному результату, то выходитъ, что древнѣйшій видъ владѣнія землею былъ чисто *семейный*, такой же, какъ и нынѣ, подъ управленіемъ отца семейства. Такимъ, или почти такимъ, представилъ его и Эверсъ, хотя, не знаемъ почему назвалъ онъ его *общимъ*: «То, что̀ отецъ оставлялъ» говоритъ Эверсъ (55) «послѣ своей смерти, было первоначально семейною собственностью оставшихся дѣтей, заступавшихъ его мѣсто. Раздѣлъ наслѣдства есть право уже позднѣйшее. Такою семейною собственно-

---

(55) Древ. пр. Руссовъ. С. 19 и 20.

стью семейство распоряжалось съобща; иногда распоряжалъ его старшій братъ одинъ, иногда всѣ братья, но большею частью извѣстнымъ подчиненіемъ старшему (основанномъ на уваженіи къ лѣтамъ). Если одинъ братъ умиралъ, то оставшійся занималъ его мѣсто; ибо только братья въ совокупности были владѣльцами оставленнаго отцемъ имущества. О дѣтяхъ братнихъ, т. е. о второмъ колѣнѣ еще не было рѣчи. Они не были непосредственными наслѣдниками въ семейственномъ имуществѣ, оставленномъ ихъ дѣдомъ; да ихъ часто вовсе не было на свѣтѣ, когда онъ умиралъ. Прямые наслѣдники въ семъ имуществѣ были только ихъ отцы, которые притомъ, пока еще не было введено дѣленіе наслѣдства, вступали во владѣніе имъ съобща. Имѣніе постоянно составляло одно нераздѣльное цѣлое, только соучастниковъ въ обладаніи онымъ было много (56)».

---

(56) Ibidem.

Изъ этихъ словъ видно, какъ Эверсъ выражается темно, неопредѣленно, а иногда даже и противорѣчитъ самому себѣ. Такъ, напримѣръ, имущество оставлялъ *отецъ*, слѣдовательно *одинъ*, а не семейство или родъ; то по какому же праву или обязательному закону сыновья его *непремѣнно* должны были жить *вмѣстѣ*, владѣть *сообща* имуществомъ, которымъ отецъ ихъ распоряжался *одинъ* самовластно? Если отецъ ихъ, вѣроятно, тоже имѣвшій братьевъ, могъ отдѣлиться отъ нихъ и передать свое имущество *непосредственно своимъ сыновьямъ* безъ подчиненія дядямъ ихъ, то почему же и его сыновья, въ свою очередь, не могли отдѣлиться другъ отъ друга имуществомъ и передать его, умирая, подобнымъ же порядкомъ своимъ дѣтямъ? Къ чему выводить тутъ на сцену второе колѣно, внуковъ, которыхъ еще не было на свѣтѣ? Говорить же, что они не были *непосредственными наслѣдниками* имущества, оставляемаго дѣдомъ ихъ, что *пря-*

мыми наслѣдниками были отцы ихъ, значитъ затемнятъ вопросъ. Да и въ наше время сыновья прямые или непосредственные наслѣдники въ родовомъ имуществѣ, но не внуки, и въ особенности такіе, которыхъ еще нѣтъ и на свѣтѣ. Безспорно, что были случаи, какіе бываютъ и нынѣ, когда братья съобща владѣли имуществомъ отцовскимъ. Это бываетъ тогда, когда, кромѣ старшаго, прочіе малолѣтные, или же неженатые. Но раздѣлъ имущества неизбѣженъ, коль скоро остальные братья возрастутъ и обзаведутся собственнымъ семействомъ.

Словомъ, молчаніе нашего древняго законодательства о поземельной собственности не можетъ служить доказательствомъ существованія общаго владѣнія, сомнительнаго по теоріи, неоправданнаго и историческимъ опытомъ; отсутствіе же положительныхъ, опредѣленныхъ законовъ о собственности доказываетъ лишь младенческое состояніе обще-

ства и немногосложность общественныхъ отношеній.

Если бы нѣкоторые, уже извѣстные намъ, писатели прежде всего обратили вниманіе на разграниченіе объема понятій семьи и рода, и обратили бы при этомъ вниманіе на значеніе, въ которомъ употреблено нашими лѣтописцами слово *родъ* ([57]), то никогда не было бы у насъ предположеній ни о родовомъ бытѣ, ни объ общемъ владѣніи.

Впрочемъ самъ Эверсъ, высказалъ, что въ томъ и другомъ случаѣ онъ разумѣетъ семью; но семейную собственность и семейное владѣніе нельзя называть ни *родовымъ*, ни тѣмъ, болѣе, *общимъ* ([58]).

---

(57) Что вполнѣ нынѣ выполнено *Г. Аксаковымъ*. См. его статью: Бытъ Славянъ вообще и восточныхъ въ-особенности, въ Москв. Сборн. за 1851 г.

(58) Д. П. Р.

Итакъ можно, наконецъ, и кажется не безъ основанія, заключить, что въ древнѣйшей Руси:

1. Владѣніе землею было не общее, но *семейное*.

2. Былъ извѣстенъ *раздѣлъ* отцовскаго имущества или *наслѣдства*.

КОНЕЦЪ.

2007044014